

УДК 341.233

Лунев Андрей Алексеевич (lunefff@yandex.ru)
Студент Института государственного и международного права
Уральского государственного юридического университета
Andrey A. Lunev
Ural State Law University
Institute of State and International Law, Student

Научный руководитель:
Лихачев Максим Александрович
Доцент кафедры международного и европейского права
Уральского государственного юридического университета
Кандидат юридических наук
Academic supervisor:
Maxim A. Likhachev
Assistant professor of International and European Law department
Ural State Law University
Candidate of Juridical Sciences

**JUS AD BELLUM И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ОСНОВАНИЯ
И ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ СИЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ
МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ
JUS AD BELLUM AND HUMAN RIGHTS: LEGAL GROUNDS
FOR USE OF FORCE AND LIMITS THEREOF**

Аннотация: В статье исследуется актуальный и дискуссионный вопрос современного международного права – правомерность применения силы с целью защиты прав человека (гуманитарная интервенция). Рассматриваются аргументы против (принципы мирного урегулирования споров,

территориальной целостности государств) и в поддержку концепции. Автор приходит к выводу, что необходимо легитимировать сложившуюся практику государств международно-правовыми инструментариями и рассматривает возможные способы для ее закрепления.

Ключевые слова: применение силы, гуманитарная интервенция, Устав ООН, Совет Безопасности, Генеральная Ассамблея.

Annotation: The article considers the problem of the human rights protection oriented use of force under international law. The cons (principles of pacific settlement of disputes and territorial integrity of states) and pros of the use of force are analyzed. The author concludes the necessity of the legitimation of the current state practice of jus ad bellum for humanitarian considerations and possible way thereof in international legal order.

Keywords: use of force, humanitarian intervention, UN Charter, Security Council, General Assembly.

В доктрине международного права ведется дискуссия о правомерности применения силы с целью защиты прав человека. Проблема не ограничивается рамками исследовательского интереса, оставаясь одной из самых противоречивых и на практике.

Традиционным институтом международного права, «легализующим» действия государства в интересах защиты прав человека, является дипломатическая защита. Такая защита подразумевает под собой процедуру, с помощью которой государство защищает права своих граждан в случае их нарушения международно-противоправным деянием другого государства, при котором они не смогли добиться восстановления своих прав, исчерпав местные средства юридической защиты [1, с. 393]. Однако дипломатическая защита осуществляется органами внешних сношений мирным путем и, как правило, не подразумевает возможность применения вооруженных сил.

Как отмечает профессор В. Л. Толстых, военное вмешательство с целью защиты своих граждан может иметь место в следующих случаях:

ситуация, когда угроза для граждан исходит от иностранного государства, и ситуация, когда угроза исходит от частных лиц (например, террористов), а иностранное государство не дает согласия на применение силы, или обстоятельства вынуждают действовать незамедлительно, не дожидаясь этого согласия [2, с. 624].

Так, например, в 1980 г. США в ходе операции «Орлиный коготь» предприняли попытку освободить своих соотечественников из посольства в Тегеране, которое было захвачено радикалами, требовавшими выдачу шаха Мохаммеда Реза Пехлеви. Изначально Соединенные Штаты пытались урегулировать вопрос дипломатическим путем, однако это ни к чему не привело, действия захватчиков были поддержаны правительством Ирана.

Интересными представляются события в Албании в 1997 г. С политическим кризисом в стране начались массовые беспорядки. Над гражданами Германии, находившимися на тот момент в Албании и укрывающимися с гражданами других государств в посольстве ФРГ, нависла угроза жизни. Германскими властями было принято решение о проведении Вооруженными силами ФРГ (Бундесвером) операции «Стрекоза», в ходе которой были эвакуированы 98 граждан.

В науке еще нет единого мнения по вопросу правомерности «военной» дипломатической защиты. С одной стороны, государство предположительно может применить военную силу для защиты своих граждан, когда нет реальной возможности иными способами остановить грубое нарушение прав. Но с другой – государства, «узаконивая универсальным правом» на самооборону свои действия, используют дипломатическую защиту как повод для вторжения на территорию другого государства.

Негативную реакцию мирового сообщества вызвала военная интервенция США в Гренаду. В 1983 г. в Гренаде произошел государственный переворот, который вызвал беспокойство Соединенных Штатов. Власти США приняли решение применить силу против Гренады. Одним из формальных

поводов военного вмешательства стала защита американских студентов в этой стране. В дальнейшем Генассамблея ООН приняла резолюция 38/7, в которой американское вторжение расценивалось как грубое нарушение международного права и посягательство на независимость, суверенитет и территориальную неприкосновенность Гренады.¹

Таким образом, вопрос о так называемой «военной» дипломатической защите остается открытым. Не менее сложным остается вопрос о правомерности гуманитарной интервенции. Для начала необходимо раскрыть данное определение. Наиболее полное понятие содержится в докладе Консультативного комитета по правам человека и внешней политике и Консультативного комитета по вопросам публичного международного права. Гуманитарная интервенция определяется как «угроза или использование силы одним или более государством в пределах территории другого государства с единственной целью остановить или предотвратить крупномасштабные, серьезные нарушения основных прав человека, которые имеют место или совершение которых в ближайшем будущем очевидно, независимо от гражданства, причем к таким правам в особенности относится право индивидов на жизнь, в случаях, когда угроза или использование силы осуществляются либо без предварительного получения полномочий от компетентных органов ООН, либо без разрешения законного правительства страны, на территории которой интервенция имела место».²

Концепция гуманитарной интервенции настолько сложное явление в международном праве, что юристы-международники до сих пор не могут прийти к единому мнению насчет ее правомерности и допустимости. Условно можно выделить сторонников запрета применения силы с целью защиты прав человека и сторонников легализации такого рода применения силы.

1 Резолюция 38-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 02.11.1983 г. № A/RES/38/7 // URL: <http://www.un.org/ru/ga/38/docs/38res.shtml> (дата обращения: 19.11.2018 г.)

2 The Use of Force for Humanitarian Purposes. Enforcement Action for Humanitarian Purposes and Humanitarian Intervention // Advisory Committee on Human Rights and Foreign Policy and Advisory Committee on Issues of Public International Law. 1992.

В частности, ряд российских (В. Л. Толстых, В. М. Шумилов и др.) и зарубежных (М. Боте, Э. Х. де Аречага и др.) юристов высказываются против силового вмешательства даже с целью защиты прав человека, допуская только исключение в соответствии со ст. 42 Устава ООН («вооруженные санкции Совета безопасности ООН»). Они считают, что это нарушает не только принцип неприменения силы или угрозы силой, но и другие принципы международного права – невмешательство во внутренние дела, мирное урегулирование споров, нерушимость границ, территориальная целостность государств. К числу их главных аргументов относится то, что гуманитарная интервенция нарушает суверенитеты стран, является поводом для военного вмешательства в политических целях.

Достаточно часто сторонники запрета применения силы ссылаются на позицию Международного Суда ООН в деле «Никарагуа против США», которое стало одним из самых значимых прецедентов в международно-правовой практике. Во время никарагуанской гражданской войны 1980-х гг. США вторгались в водное и воздушное пространство страны, минировали внутренние и территориальные воды, направляли полеты своей военной авиации над территорией Никарагуа, активно поддерживая оппозиционное движение контрас. В связи с этим в 1984 г. Никарагуа обратилась в Международный Суд ООН. Суд признал в действиях США на территории Никарагуа и против Никарагуа прямые нарушения обязательств США в рамках международного обычного права не вмешиваться во внутренние дела другого государства, не использовать силу против другого государства и не нарушать его суверенитет, а также не препятствовать мирной морской торговле [3].

Одним из известнейших примеров гуманитарной интервенции стало военное вмешательство стран НАТО в Югославию в 1999 г. Во время боевых действий в Косово войсками Североатлантического альянса без надлежащей резолюции Совета Безопасности ООН началась бомбардировка военных и гражданских югославских объектов. Поводом для применения силы стало

обвинение властей Югославии в преступлениях против человечности в отношении косовских албанцев. Военное вмешательство вызвало неоднозначную реакцию мирового сообщества. Ряд соседних с Югославией государств (Албания, Болгария, Венгрия, Македония, Румыния) поддержали боевые действия НАТО. Некоторые отказали в поддержке (например, Австрия, сославшись на отсутствие резолюции Совета Безопасности ООН, отказалась предоставить свое воздушное пространство). Остальные страны осудили действия Альянса, обвинили НАТО в агрессии и в грубом нарушении международного права (в том числе Россия). В дальнейшем Советом Безопасности ООН был учрежден Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ), который занимался расследованием событий, признавая совершение преступлений против человечности. В результате трагических происшествий в Югославии в современном международном праве возникла проблема международно-правового статуса Косова («косовский прецедент»).

В основном сторонники запрета применения силы с целью защиты прав человека допускают только одно исключение – когда военное вмешательство совершается по решению Совета Безопасности ООН. И важно отметить, что в мировой практике большинство гуманитарных интервенций как раз являются санкционированными Советом Безопасности ООН. Но тут уже необходимо говорить не о концепции гуманитарной интервенции, а о реализации механизма, установленного ст. 42 Устава ООН.

В 2011 г. в Ливии началась гражданская война между сторонниками и противниками лидера страны Муаммара Каддафи. Подавляющее большинство стран мира осудили Каддафи и его войска, действия которых Международный уголовный суд счел преступлениями против человечности. Сперва Совет Безопасности ООН принял Резолюцию 1970, введя санкции против Каддафи и его приближенных. В дальнейшем была принята Резолюция 1973 г., разрешившая применение любых средств для защиты мирного населения, за исключением «возможности пребывания

иностранных оккупационных сил в любой форме на любой части ливийской территории». После этого НАТО при поддержке других государств вмешались в ситуацию в стране и объекты, контролируемые силами Каддафи, были подвергнуты ударам с воздуха [4].

Сложно не согласиться с тем, что применение силы сугубо в политических целях недопустимо. Проблема наиболее явственно проявляется, когда к применению силы прибегают мощные в военно-политическом аспекте державы, которым объективно не способны противостоять не крупные страны. Тем не менее даже в подобных ситуациях гипотетически правомерная гуманитарная интервенция должна быть осуществлена исключительно с единственной целью – защитой прав человека.

Однако всегда ли нужен для этого мандат Совета Безопасности ООН? Профессор В. Л. Толстых отмечает, что Институт международного права в Резолюции от 27 октября 2007 г. так и не смог сформулировать позицию насчет правомерности военного вмешательства без санкции Совета Безопасности ООН, высказав свое настороженное отношение к концепции гуманитарной интервенции [2, с. 628–629].

Необходимо учитывать, что вполне возможно, когда Совет Безопасности ООН может не прийти к единому мнению (внутриполитический конфликт в Сирии, межэтнический кризис в Мьянме), либо долгое время бездействовать (геноцид в Руанде) на фоне необходимости принять ряд незамедлительных мер.

Один из печальных примеров бездействия Совета Безопасности ООН связан с событиями в Руанде. В 1994 г. в стране начались массовые убийства центральноафриканского народа тутси. За несколько месяцев погибло свыше полумиллиона человек. Ни Совет Безопасности ООН, ни международное сообщество в целом не сразу обратили внимание на эти ужасающие события и не приняли должных мер. Более того, положение в стране некоторое время не квалифицировалось как геноцид. В дальнейшем ООН

была раскритикована за бездействие и неспособность усилить свою миссию в стране. В 1996 г. начал работу Международный уголовный трибунал по Руанде. Его целью было выявление и наказание организаторов геноцида. В 1999 г. генеральный секретарь ООН Кофи Аннан публично принес извинения за «прискорбное бездействие» и «политическое безволие» руководства.

Достаточно серьезно обстоят дела в Мьянме, которую обвиняют в притеснении этнической группы рохинджа. Межэтнический кризис в стране продолжается еще с XX века, в 2016 г. он снова обострился. Постоянные члены Совета Безопасности ООН не могут прийти к единому мнению. ООН призывает к урегулированию конфликта в Мьянме, а в управлении по защите прав человека говорят, что действия властей «очень сильно» напоминают преступления против человечности. В марте 2017 года было принято решение создать комиссию по установлению фактов происходящего с рохинджа. Мьянма отказалась пустить к себе международных инспекторов [6]. В 2018 г. миссия ООН по сбору фактов о нарушениях прав человека в Мьянме выпустила доклад, в котором назвала преследования народа рохинджа геноцидом. По данным ООН, в результате погибли не менее 10 тысяч человек, более 700 тысяч бежали из страны. Основная вина за массовые убийства была возложена на военное руководство страны, в частности, на главнокомандующего вооруженными силами генерала Мин Аунг Хлайна, осужденного Миссией ООН за геноцид и преступления против человечности [7].

Возникает проблема, когда права человека подвергаются грубому нарушению, а предотвратить это механизмами в рамках ст. 42 Устава ООН не представляется возможным. В этом случае некоторые юристы-международники выступают за легализацию любой гуманитарной интервенции, в том числе без резолюции Совета Безопасности ООН.

Если взглянуть на историю, то государства применяли силу с целью защиты людей еще до возникновения ООН и принятия Всеобщей декларации прав человека в 1948 г., обосновывая это гуманитарной интервенцией.

В результате Боксерского восстания 1898-1901 гг. в Китае массово погибли иностранцы и христианские китайцы. Альянс восьми держав (Россия, Япония, Великобритания, Франция, США, Германия, Италия, Австро-Венгрия) направил свои войска на подавление восстания с целью защиты христиан и своих соотечественников. Военная интервенция коалиции в первую очередь была направлена не на защиту людей, а на сохранение своего влияния и дальнейший раздел Империи Цин.

Еще в XVI веке «отец международного права» Г. Гроций поддерживал применение силы с целью защиты прав человека: «Если, однако, творится явное беззаконие, если какой-нибудь Бузирис, Фаларис или Диомед Фракийский творит над подданными такое, что не может быть оправдано никем, кто не утратил справедливости, то право человеческого общества не упраздняется» [8, с. 562].

В российской дореволюционной доктрине также были сторонники военного вмешательства. Н. М. Коркунов считал: «Безусловно воздерживаться от вмешательства в дела других государств значило бы оставаться безучастным свидетелем самых ужасных насилий, значило бы приносить в жертву отвлеченному принципу самые святыя интересы человечества» [9, с. 7].

Вопрос о правомерности гуманитарной интервенции не сходил с исследовательской повестки и в XX веке. Один из основателей международной организации «Врачи без границ», в дальнейшем министр иностранных дел Франции Бернар Кушнер в своей книге «Обязанность вмешаться» (1987 г.) защищал концепцию гуманитарной интервенции и выступал за то, что «либеральные демократии не только имеют право, но и морально обязаны преодолеть суверенитет другой нации во имя защиты прав человека» [10].

На 54-й сессии Ассамблеи тысячелетия ООН в 2000 г. Генеральный секретарь Кофи Аннан также заявил о правомерности и допустимости применения силы с целью защиты прав человека. В своем докладе он задавался вопросом: «Если гуманитарная интервенция действительно является

неприемлемым ударом по суверенитету, то каким образом нам следует реагировать на такую ситуацию, как в Руанде или в Сребренице – как реагировать на грубые и систематические нарушения прав человека, которые противоречат всем заповедям человеческого бытия?»). Генеральный секретарь утверждал, что при защите прав человека аргумент о суверенитете государств не может быть использован, подчеркивая, что принцип уважения прав человека превалирует над принципом суверенитета. По его мнению, военное вмешательство необходимо использовать, когда иными способами не удастся остановить массовое и грубое нарушение прав человека.³ Таким образом представляется ясной позиция генерального секретаря по поддержке концепции вмешательства: в том числе им демонстрировался особый подход к проблеме, поскольку в период его председательствования в ООН происходило расследование трагических событий в Руанде и Боснии (в 2007 г. МТБЮ признал события в Сребренице геноцидом).

В современной доктрине международного права также есть и российские, и зарубежные сторонники легализации военной интервенции с целью защиты прав человека. По мнению данных ученых, грубое нарушение защиты прав человека может и должно быть основанием для применения силы с целью защиты этих прав. Так, профессор И. И. Лукашук, размышляя об основах нового мирового порядка, указывал, что гуманитарная интервенция в дальнейшем обретет полную легитимацию [11, с. 504–505].

Такие авторы как И. П. Блищенко и М. М. Солнцева также отмечают, что следует изменить подход касательно принципа невмешательства, когда в государствах систематически нарушаются иные общепризнанные принципы и нормы международного права, и пересмотреть отношение к гуманитарной интервенции, которая, с одной стороны, обеспечивает восстановление справедливости и законности, а с другой – исключает злоупотребление применением силы [12, с. 132].

³ Мы, народы: роль Организации Объединенных Наций в XXI веке: доклад Генерального секретаря ООН от 27.03.2000 г. № A/54/2000* // URL: <https://undocs.org/ru/A/54/2000> (дата обращения 13.11.2018 г.).

Помимо исторических и доктринальных аспектов в защиту применения силы, самым важным аргументом в поддержку гуманитарной интервенции выступает мировая практика, складывающаяся с 1945 г. (время уставного закрепления принципа неприменения силы).

Военное вмешательство с целью защиты прав человека осуществлялось разными государствами, в том числе Россией, которая применяла силу для защиты своих граждан, миротворцев и жителей Южной Осетии в 2008 г. по отношению к Грузии. После начала военных действий со стороны грузинских вооруженных сил в Южной Осетии (что было установлено независимой комиссией при ЕС [13]) Российская Федерация объявила об операции «по принуждению Грузии к миру». Самолеты российских ВВС нанесли удары по объектам страны, а российская бронетехника вошла в грузинской город Гори, находящийся недалеко от столицы страны – Тбилиси. В конечном итоге, Грузия подписала план урегулирования конфликта.

Сегодня активно обсуждаются события в Сирии, в отношении которой за последние годы вооруженная сила применялась неоднократно. В 2017 г. ООН и ОЗХО пришли к заключению, что войска Б. Асада использовали химоружие, которое стало причиной гибели людей в провинции Идлиб. США нанесли ракетные удары по сирийскому военному аэродрому. Год спустя, в апреле 2018 г., западные страны вновь обвинили правительство Асада в химической атаке против мирных жителей в г. Дума. Соединенные Штаты, Великобритания и Франция нанесли серию ракетных ударов по трем целям в Сирии [14]. Это вызвало неоднозначную реакцию в мире: ряд государств поддержали военные действия в отношении Сирии, другие выразили свою озабоченность или же осудили коалицию. Великобритания опубликовала свою правовую позицию касательно применения силы, аргументируя ее гуманитарными соображениями.

Соединенное Королевство прямо отстаивает концепцию гуманитарной интервенции. Обосновывая свои действия целью «смягчить страдания

сирийского народа», правительство страны официально заявило, что для применения силы необходимы три условия:

- Существование убедительных доказательств, общепризнанных международным сообществом, а также чрезвычайных гуманитарных проблем в широких масштабах, требующих немедленной и неотложной помощи;

- Невозможность практической альтернативы применению силы для спасения жизни;

- Предлагаемое применение силы должно быть необходимым и соразмерным с целью облегчения гуманитарных страданий, а также оно должно быть строго ограничено во времени и в масштабах этой цели [15].

В 2000 г. в рамках ООН была создана Международная комиссия по вопросам вмешательства и государственного суверенитета, которая представила доклад «Обязанность защищать», который в последствии стал концепцией и был поддержан мировым сообществом.⁴ Идея концепции заключалась в том, что суверенитет – это не привилегия, а ответственность: «национальные политические власти отвечают перед своими гражданами во внутривнутриполитическом плане и перед международным сообществом – через ООН». Цель концепции – предотвратить и прекратить «массовые преступные злодеяния», а именно геноцид, военные преступления, преступления против человечности, этнические чистки. Военная интервенция рассматривается лишь как крайняя и последняя мера.

Нельзя сказать, что принцип «Обязанность защищать» ограничен только массовыми преступными злодеяниями. В 2008 г. на Мьянму обрушился циклон, в результате которого погибло и пострадало множество людей. Правящий военный режим страны отказался от помощи других государств. Представитель Франции в ООН призвал принудительно помочь жителям Мьянмы справиться с последствиями трагедии, а министр иностранных дел Великобритании заявил, что к принципу «обязанность защищать» относятся

4 Доклад Группы высокого уровня ООН от 02.12.2004 г. № A/59/565 // URL: <https://undocs.org/ru/A/59/565> (дата обращения: 21.02.2019 г.).

случаи стихийных бедствий. Но ни принудительной помощи, ни военного вмешательства не произошло, правительство Мьянмы в итоге согласилось принять гуманитарную помощь.

Необходимо признать, что в международном праве провозглашен принцип неприменения силы или угрозы силой и в нем существует только два исключения – самооборона и санкция Совета Безопасности ООН (ст. 39, 42 и 51 Устава ООН). Однако в случае грубого нарушения прав человека государства нередко игнорируют уставные предписания. Возникает необходимость урегулировать сложившуюся практику в рамках международного права. Иначе говоря, если международное право будет запрещать или вовсе не принимать во внимание реальное поведение государств по применению силы, то тогда оно покажет исключительно свою неэффективность и теоретическую стерильность. Международное право должно отвечать требованиям практики, а не отгораживаться от нее доктринальной «стеной».

Для того, чтобы «легитимировать» (или «легально объяснить») имеющиеся прецеденты применения силы с целью защиты прав человека, то, конечно же, следует закрепить такую практику международно-правовыми инструментариями. Какими же способами это можно сделать? Рассмотрим несколько возможных вариантов.

Вариант первый: внесение поправок в Устав ООН. Как говорилось уже выше, учредительный документ всемирной организации провозглашает принцип неприменения силы или угрозы силой и выделяет только два исключения. Поэтому речь пойдет о возможности внести дополнительную статью в Устав о применении силы с целью защиты прав человека без санкции Совета Безопасности ООН наряду с самообороной. Таким образом, было бы выделено третье исключение применения силы.

Необходимо сказать, что данный способ едва ли можно представить возможным. Во-первых, сама процедура принятия каких-либо изменений в Устав ООН является весьма сложной, особенно когда это касается таких

дискуссионных вопросов. Для того, чтобы принять поправку к Уставу ООН необходимо принятие двумя третями голосов членов Генеральной Ассамблеи, а для вступления в силу после ратификации двумя третями голосов членов ООН, включая пять постоянных членов Совета Безопасности (статья 108 Устава ООН). Во-вторых, все-таки механизм гуманитарной интервенции зачастую применяется политически влиятельными государствами (в особенности постоянными членами Совет Безопасности ООН). А отсюда очевиден предвзятый подход Великой пятерки к прямому закреплению такой возможности в Уставе организации: зачем легализовать то, что им уже доступно. К тому же то, что можно определить в качестве интервенции, исключительно редко называется государствами как таковой. В этом смысле мировому сообществу выгоден установившийся баланс, когда запрет негласно нарушается великими державами, но никто такие действия открыто в качестве нарушения международного права не воспринимает. И, наконец, в-третьих, несмотря на то, что уже давно и международниками, и политиками, и государствами обсуждается необходимость изменить некоторые статьи учредительного акта ООН, на деле поправки в Устав вносились редко – всего четыре раза (в одну из них дважды) и по организационным вопросам. Последний раз в 1968 г. [16, с. 5].

Вариант второй: сохранить применение силы с целью защиты прав человека исключительно в рамках компетенции Совета Безопасности ООН. Таким образом, действуя в рамках ст. 39 и 42 Устава ООН, Совет Безопасности ООН в случае выявления угрозы миру, нарушения мира или акта агрессии в связи массовым нарушением прав человека уполномочивает государства на применение силы в гуманитарных целях.

Ряд международников поддерживают исключительно этот вариант решения проблемы. Более того, практика Совета Безопасности ООН подтверждает реальную применимость статьи 42 Устава о вооруженных мерах, а также общих мер по урегулированию международных конфликтов

(глава VI Устава ООН). Этому есть ряд примеров как миротворческих операций ООН (Операция ООН в Конго, временные силы ООН в Ливане, миссия ООН в Судане), так и гуманитарных интервенций стран в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН (Гуманитарная интервенция в Ливию, война в Персидском заливе). Однако и этот вариант не лишен недостатков.

Во-первых, как уже говорилось выше, страны-члены Совета Безопасности ООН могут не достичь компромисса по ряду спорных ситуациях, связанных с гуманитарной катастрофой, или же вовремя не отреагировать на грубое нарушение прав человека. Это уже встречалось в истории (например, события в Руанде в 1994 г., Мьянме в 2016 г., Сирии в 2018 г.).

Во-вторых, возможны случаи, когда сила применяется постоянными членами Совета Безопасности ООН в национальных интересах, что недопустимо с точки зрения международного права. Но привлечь к юридической ответственности державу Пятерки за это не представляется возможным, так как в свою защиту государство-интервент может применить право вето. Так, США заблокировали резолюцию Совета Безопасности ООН в отношении событий на Гренаде в 1983 г.

В-третьих, несмотря на существующий механизм Совета Безопасности ООН, государства как обходили, так и будут обходить его. Здесь можно привести пример действий стран НАТО в отношении Югославии без санкции Совета Безопасности в 1999 г.

И, в-четвертых, практика применения принудительных мер под руководством самого Совета Безопасности ООН не получила распространения. Идея Военно-Штабного Комитета при Совете Безопасности ООН, которая подразумевала руководство объединенными вооруженными силами ООН так и не была реализована. Поэтому Совет Безопасности ООН санкционирует применение силы государствам, то есть оставляя в конечном итоге право на применение силы на усмотрение самих стран. Казалось бы, что это вполне приемлемая процедура. Но и тут существует проблема.

Так, была раскритикована позиция США и Великобритании по вторжению в Ирак в 2003 г., которые действовали, ссылаясь на то, что их действия правомерны в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН десятилетней давности [17, с. 925].

Вариант третий: создание международного органа в рамках ООН, осуществляющего надзор за правомерностью применения силы с целью защиты прав человека.

В рамках Организации Объединенных Наций существуют различные специализированные институты, наделенные некоторыми контрольными полномочиями в отношении государств. Например, Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) обеспечивает контроль над нераспространением ядерного оружия, Организация по запрещению химического оружия (ОЗХО) – над химическим разоружением. Таким образом, вполне можно представить создание подобного органа в системе ООН, осуществляющего надзор за действиями государств, связанными с применением силы в гуманитарных целях.

Несмотря на благой характер идеи, она едва ли реализуема в сегодняшней обстановке. Во-первых, в нынешних условиях такими полномочиями обладает Совет Безопасности ООН. Во-вторых, создание органа предполагает необходимость достижения компромисса между государствами и, соответственно, внесение изменений в Устав ООН, что маловероятно и неэффективно по указанным выше причинам. В-третьих, даже в случае создания такой орган неизбежно столкнется с проблемой исполнения своих решений: объективно государства исключительно редко идут на применение силы в целях защиты прав человека, а если и допускают это, то при наличии весомых политических оснований. Едва ли внешний надзирающий орган сможет повлиять на такое государство.

Вариант четвертый: применение для легализации гуманитарной интервенции механизма Генеральной Ассамблеи ООН.

Согласно Уставу ООН, Генеральная Ассамблея ООН наделена правом «обсуждать любые вопросы или дела в пределах настоящего Устава или относящиеся к полномочиям и функциям любого из органов, предусмотренных настоящим Уставом» (статья 10 Устава ООН). Таким образом, в том числе вопросы поддержания мира и безопасности и применения силы также входят в круг решаемых Ассамблеей проблем.

Однако статья 12 Устава ООН предусматривает, что «когда Совет Безопасности выполняет возложенные на него настоящим Уставом функции по отношению к какому-либо спору или ситуации, Генеральная Ассамблея не может делать какие-либо рекомендации, касающиеся данного спора или ситуации, если Совет Безопасности не запросит об этом». Несмотря на разрешение конкуренции компетенций Совета Безопасности ООН и Генеральной Ассамблеи ООН в пользу первого, в истории ООН встречались ситуации такой «узурпации» полномочий Генеральной Ассамблеи ООН в случае бездействия Совета Безопасности ООН. Так, в 1950 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 377 «Единство в пользу мира» в связи с Корейской войной 1950–1953 гг.

Действительно, было бы правильным, если Генеральная Ассамблея ООН, в которой представлены все члены организации, рассматривала вопросы и выносила резолюции о правомерности и релевантности применения силы в случае неспособности достичь консенсуса в Совете Безопасности ООН. Таким образом, Генеральная Ассамблея ООН могла бы предоставлять полномочия на применение силы заинтересованным государствам либо в исключительных случаях вынужденно оценивать поведение государств *post factum*.

Осуждение за неправомерное применение силы имеет большое политическое влияние на государство, применившее эту силу, так как оно будет осознавать, что для него существует риск имиджевых издержек и применения ответных юридических мер. Это означает, что перед военным

вмешательством государство будет исходить из позиции, что силовой способ защиты прав человека является крайним и обоснованным только в ситуациях поддержки со стороны мирового сообщества (в лице Генеральной Ассамблеи ООН). Однако данный путь «легализации» гуманитарной интервенции имеет несколько недостатков.

Во-первых, чтобы вынести вопрос на Генеральную Ассамблею необходимо доказать, что он не входит в компетенцию Совета Безопасности и не обсуждается им. На мой взгляд, такая ситуация в случае применения силы невозможна, так как военное вмешательство входит в круг полномочий Совета Безопасности ООН и не может не обсуждаться в рамках этого органа.

Во-вторых, нужно помнить, что решения Генеральной Ассамблеи носят рекомендательный характер (статья 10 Устава ООН). В соответствии со статьей 24 Устава ООН, «для обеспечения быстрых и эффективных действий Организации Объединенных Наций ее Члены возлагают на Совет Безопасности главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности и соглашаются в том, что при исполнении его обязанностей, вытекающих из этой ответственности, Совет Безопасности действует от их имени». То есть именно Совет Безопасности ООН обладает особыми правами в области международного мира и безопасности. Резолюции Совета Безопасности являются юридически обязательными (ст. 25 Устава ООН). Все-таки Генеральная Ассамблея по задумке создателей ООН должна была в приоритетном порядке решать иные задачи, нежели наделение государств правом на применение силы.

В-третьих, необходимо учитывать, действия какого государства будут оцениваться. И здесь все зависит от политического веса страны, применившей силу, а также от политико-экономических интересов государств, оценивающих ситуацию при вынесении резолюции.

Пятый возможный вариант разрешения противоречия состоит в соответствующей практике толкования Устава ООН. Речь идет о «гуманитарно-ориентированной» трактовке статьи 2(4) Устава ООН.

Указанная уставная норма предусматривает, что «все Члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций». Таким образом, Устав ООН прямо запрещает применение силы за исключением ситуации самообороны (ст. 51 Устава ООН) и вооруженных санкций Совета Безопасности ООН (ст. 39, 42 Устава ООН). Защиты прав человека не входят в число таких исключений по буквальному смыслу положений учредительного акта организации.

Тем не менее, некоторые основания для расширительной трактовки нормы ст. 2(4) Устава ООН дает история разработки этого положения при принятии Устава в 1945 г. Ряд государств высказывали критику в отношении абстрактности текста указанной статьи, считая, что он не исключает применение силы государствами и по иным основаниям, текстуально не зафиксированным в Уставе. Тогда эти замечания были намеренно проигнорированы.

Именно такой характер *travaux preparatoires* позволяет расширительно толковать запрет на применение силы, допуская таковое в случае массового и грубого нарушения прав человека. Интересный материал профессора Стефана Помпера по этой теме опубликован на *Opinion Juris* [18]. Автор рассматривает возможность пересмотра строгих установлений Устава ООН в части запрета на применение силы. Речь не идет об изменении самих положений Устава, а лишь об их толковании сообразно требованиям времени (отказ от *never-never rule* в пользу «легализации» *moral-but-not-legal approach*).

К числу аргументов в пользу такой интерпретации относится:

1. Заключительная фраза ст. 2(4) Устава ООН «любым иным образом несовместимым с целями Устава», история ее разработки, когда именно создаваемая такой формулировкой лазейка критиковалась некоторыми делегатами (термин «цели» отказались заменить на термин «положения»);

2. Соответственно ссылка на цели ООН, связанные с защитой прав человека (в качестве возможной аргументации в пользу применения гуманитарной интервенции).

Обоснованием целесообразности легализации сложившейся ситуации, по мнению автора, является то, что «...мы живем в мире, где США и другие страны продемонстрировали стремление к поиску оснований для военного решения сложных кризисов, небрежность в анализе гуманитарных последствий их операций и чрезмерную склонность к вступлению в войны, которые они потом не знают, как завершить. Важно создание такой системы, когда развязывание войны и ее перспективы играли бы отрезвляющую роль. Но все-таки куда больший эффект имело бы осознание того, что такая система уже существует. Она существует так или иначе за рамками действующего международного права. Поиск правового решения позволил бы оформить текущую практику в соответствии с законными целями и одновременно ограничить ее в интересах международного сообщества» [19].

Вне зависимости от нашего понимания запрета применения силы *de lege lata*, по меньшей мере *de lege ferenda* право должно отвечать текущей межгосударственной практике. А практика на этот счет неумолима: государства применяют силу друг против друга, считая легитимным такое применение силы в целях защиты прав человека (пусть и в исключительных ситуациях). Задача международного права и доктрины – адекватно отразить сегодняшние реалии и потребности международного сотрудничества.

Библиографический список

1. Лукашук И. И. Международное право. Общая часть. – М.: Волтерс Клувер, 2010. 432 с.
2. Толстых В. Л. Курс международного права. – М.: Волтерс Клувер, 2009. 1056 с.

3. Федулова К. А. Решение Международного суда ООН от 27 июня 1986 г. по делу «Никарагуа против Соединенных Штатов Америки»: влияние на институт применения силы и дальнейшее его развитие в межд народном праве // Молодой ученый. 2017. № 49. С. 280–282.
4. Интервенция в Ливии // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Интервенция_в_Ливии (дата обращения: 16.11.2018 г.).
5. Кто такие рохинджа? Почему про них заговорил Кадыров? Главные вопросы о противостоянии в Мьянме // Интернет-издание «Медуза» // URL: <https://meduza.io/feature/2017/09/04/kto-takie-rohindzha-rochemu-pro-nih-zagovoril-kadyrov> (дата обращения: 17.11.2018 г.).
6. Обвиняемого в геноциде генерала из Мьянмы заблокировали в фейсбуке. Он немедленно завел страницу в ВК // Интернет-издание «Медуза» // URL: <https://meduza.io/feature/2018/08/31/obvinyaemogo-v-genotside-general-a-iz-myanmy-zablokirovali-v-feysbuke-on-nemedlenno-zavel-stranitsu-v-vk> (дата обращения: 17.11.2018 г.).
7. Гроций Г. О праве войны и мира: репринт. с изд. 1956 г. – М.: Ладомир, 1994. 868 с.
8. Коркунов Н. М. Лекции по международному праву: лекции. – Санкт-Петербург, 1883–1884. 7 с.
9. World: Europe. Bernard Kouchner: The man behind MSF // URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/406362.stm> (дата обращения: 08.11.2018 г.).
10. Лукашук И. И. Международное право. Особенная часть: учебник – М.: Волтерс Клувер, 2010. 511 с.
11. Блищенко И. П., Солнцева М. М. Мировая политика и международное право. – М., 1991. 156 с.
12. Georgia started war with Russia: EU-backed report // URL: <https://www.reuters.com/article/us-georgia-russia-report/georgia-started-war-with-russia-eu-backed-report-idUSTRE58T4MO20090930> (дата обращения: 17.11.2018 г.).

13. США, Великобритания и Франция нанесли авиаудары по трем целям в Сирии // URL: <https://meduza.io/news/2018/04/14/ssha-velikobritaniya-i-frantsiya-nanesli-aviaudary-po-trem-tselyam-v-sirii> (дата обращения: 20.11.2018 г.).
14. Syria action – UK government legal position // URL: <https://www.gov.uk/government/publications/syria-action-uk-government-legal-position/syria-action-uk-government-legal-position> (дата обращения: 21.11.2018 г.).
15. Основные сведения об Организации Объединенных Наций. – Нью-Йорк, Департамент общественной информации ООН, 2014. 322 с.
16. Вольфганг Граф Витцтум и др. Международное право. – М.: Инфотропик Медиа, 2015. 1072 с.
17. Stephen Pomper. Trump vs. International Law: The Challenge of Articulating a Legal Framework for Humanitarian Intervention // URL: http://opiniojuris.org/2018/10/05/trump-vs-international-law-the-challenge-of-articulating-a-legal-framework-for-humanitarian-intervention/?fbclid=IwAR3nojj8vln061EZLC-sTnMR3lpXJ72A-d_OKHMT7zp1umj-No-MyloUptl8 (дата обращения: 19.11.2018 г.).
18. Лихачев М. А. Запрет на применение силы по ст. 2(4) Устава ООН, гуманитарная интервенция и современная практика государств // URL: <https://www.facebook.com/groups/prompravo/permalink/302343453916987/> (дата обращения: 19.11.2018 г.).